

Л. А. ДМИТРИЕВ

Миниатюры «Сказания о Мамаевом побоище»

«Сказание о Мамаевом побоище» — одно из наиболее интересных произведений древнерусской литературы не только само по себе, но и по своей литературной истории. Едва ли найдется другое произведение древнерусской литературы, которое сохранилось бы в столь обильном количестве списков и которое было бы представлено таким разнообразием редакций, вариантов, разночтений внутри вариантов, как «Сказание о Мамаевом побоище». Столь же посчастливилось в этом отношении и лицевым спискам «Сказания». Количественно их не очень много, но связь между ними представляет большой интерес, а характер их взаимоотношений помогает полнее осветить историю самого «Сказания», разобраться в некоторых особенностях иллюстрирования литературных текстов в Древней Руси.

Лицевым спискам «Сказания о Мамаевом побоище» посвятил специальное исследование С. К. Шамбинаго.¹ В этом исследовании им были опубликованы 74 миниатюры из списка «Сказания» конца XVII в. — ГБЛ, Музейное собр., № 3123 (P₁),² подробно описаны миниатюры списков «Сказания» — ГИМ, собр. Уварова, № 1435 (Ув) и ГИМ, Музейное собр., № 2596 (М), и, кроме того, кратко охарактеризованы миниатюры списка ГБЛ, Музейное собр., № 3155 (P₂). Взаимоотношение миниатюр в первых трех рукописях, по С. К. Шамбинаго, такое: «По характеру рисунка, особенно по композиции, эти рукописи должны находиться в связи между собою, причем сравнительно древнейшим переводом является Ув, затем уже следует М и наконец P₁».³ О миниатюрах рукописи P₂ С. К. Шамбинаго писал следующее: «Сказание, соединенное в ней (рукописи P₂, — Л. Д.) с лицевой Александрией, вряд ли было книжным товаром, поэтому рисунок в этой рукописи детальный, не небрежный, хотя и позднего пошиба. Очевидно только, что художник пользовался оригиналом, подобным М или P₁... Внимательное отношение к рисунку удержало художника от стилизации: с особенной любовью рисовал он боевые сцены, но вообще художественного значения эти миниатюры не имеют».⁴

¹ Сказание о Мамаевом побоище. С предисловием С. К. Шамбинаго. Изд. ОЛДП (вып. СХХV), 1907 (в дальнейшем: С. К. Шамбинаго).

² В скобках дано условное обозначение рукописи по С. К. Шамбинаго. Здесь и далее всем лицевым рукописям, использованным в работе С. К. Шамбинаго, даются его условные обозначения. Вновь привлекаемым рукописям я буду давать условные обозначения по такому же принципу, как у С. К. Шамбинаго — по первой букве собрания.

³ С. К. Шамбинаго, стр. 64.

⁴ С. К. Шамбинаго, стр. 102—103 (разрядка моя, — Л. Д.).

На IV Международном съезде славистов в Москве в 1958 г. Е. Ф. Хилл (Англия) было сделано сообщение об обнаруженном ею в Отделе рукописей в Британском музее лицевом списке «Сказания о Мамаевом побоище» XVII в. (шифр У.Т.51).⁵

Сообщение Е. Ф. Хилл вызвало большой интерес. В обсуждении этого сообщения приняли участие В. Ф. Ржига, Д. С. Лихачев и О. И. Подобедова.⁶ В. Ф. Ржига отметил, что лондонский лицевой список «Сказания» «и по количеству миниатюр (64), и по художественным качествам должен считаться одной из лучших лицевых рукописей „Сказания“» (стр. 169). Д. С. Лихачев обратил внимание на то, что детали этих миниатюр XVII в. очень архаичны, отражают черты, характерные для XV столетия. Он также говорил о том, что «миниатюры эти представляют интерес не только для искусствоведов в свете задач их исследований, но и для текстологов с точки зрения текстологической специфики» (стр. 170). О. И. Подобедова заметила, что, судя по опубликованному в сообщении Е. Ф. Хилл двум миниатюрам, можно говорить, что лондонский список «обнаруживает сходство с произведениями древнерусской живописи XVI в., а быть может, и конца XV в.» (стр. 172). Она сказала, что «приведенные Е. Хилл сведения должны безусловно найти свое отражение в главе о миниатюре XVII в. в подготавливаемом к изданию томе IV „Истории русского искусства“» (стр. 173). Это пожелание О. И. Подобедовой было выполнено. Авторы раздела о русской миниатюре XVII столетия (Н. Е. Мнева и М. М. Постникова-Лосева) в IV томе «Истории русского искусства», сопоставляя миниатюры лондонского списка (Л) с миниатюрами, опубликованными в исследовании С. К. Шамбинаго, пишут: «Меньше изобретательности и смелости в иллюстрациях к „Повести о Мамаевом побоище“ конца XVII века (Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина, Ф. 178, № 3123), с короткими неуклюжими фигурами, схематичным рисунком в духе так называемых „северных писем“. Значительно выше по своему художественному качеству шестьдесят четыре миниатюры недавно обнаруженной рукописи „Сказания о Донском бою“ (Отдел рукописей Британского музея, У, т. 51). Несмотря на то что рукопись датируется второй половиной XVII столетия, ее миниатюры своими архаическими формами восходят к значительно более раннему периоду».⁷

Кроме названных выше лицевых списков «Сказания о Мамаевом побоище», в настоящее время известны еще три: 1) ГБЛ, собр. Прянишникова, № 203 — дефектный (без начала и конца, с перебитыми листами)

⁵ Elizabeth Hill. A. British museum illuminated manuscript of an early russian literary work. An encomium to the grand prince Dimitri Ivanovich and to his brother prince Vladimir Andreyevich the tale of the battle of the Don in the year 6889. Сообщение на IV Международном съезде славистов в Москве Е. Ф. Хилл (Англия). Один вновь обнаруженный лицевой список древнерусского памятника. Cambridge, England, 1958 (в дальнейшем: Е. Ф. Х и л л).

⁶ IV Международный съезд славистов, Материалы дискуссии, т. I, Проблемы славянского литературоведения, фольклористики и стилистики, М., 1962, стр. 169—173. При цитации выступлений вышеназванных авторов ссылки на страницы даются в тексте, в скобках.

⁷ История русского искусства. Под общей редакцией И. Э. Грабаря, В. С. Кеменова и В. Н. Лазарева. Т. IV, М., изд. АН СССР, 1959, стр. 478. На стр. 475 этой книги перенят из статьи Е. Ф. Хилл лист 29 об. Лондонской рукописи (смотр русского войска князьями после «уречения» полков Дмитрием Волынцом). Эта же миниатюра Лондонской рукописи, без ссылки на источник, была воспроизведена на фронтисписе книги: Повести о Куликовской битве. Издание подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., Изд. АН СССР, 1959 (серия «Литературные памятники») (в дальнейшем: Повести о Куликовской битве).

список 1894 г. (П); 2) ГИМ, собр. Барсова, № 1798 — сборник начала XVIII в., состоящий из «Александрии» и «Сказания» (Б); 3) ГИМ, собр. Уварова, № 999^а — дефектный (с перепутанными листами) список конца XVII в.⁸ Наконец, «Сказание о Мамаевом побоище», включенное в состав Древнего летописца (БАН, 31.7.30), также проиллюстрировано.

Анализируя списки Ув, М и Р₁, С. К. Шамбинаго пришел к заключению, что они не только тесно связаны между собой, но «восходят к одному художественному оригиналу, значительно более древнему, чем настоящие переводы, и надо отдать справедливость художнику этого оригинала за его весьма внимательное отношение к содержанию „Сказания“: все миниатюры вполне соответствуют содержанию, являясь его непосредственным воспроизведением».⁹ Наиболее близки к этому древнему оригиналу миниатюры Ув., хотя и они претерпели уже значительные изменения, а миниатюры в М и Р₁ восходят к миниатюрам Ув.¹⁰ Наблюдения над текстами этих списков «Сказания» подтверждают выводы, сделанные С. К. Шамбинаго на основании сопоставления миниатюр, и в какой-то мере уточняют их. Эти списки «Сказания» примыкают к варианту У Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище», но отличаются от этого варианта отдельными чтениями, более близкими к варианту О Основной редакции «Сказания», и некоторыми индивидуальными особенностями — вставкой плача русских жен из «Задонщины» иного характера, чем вставка плача из «Задонщины» в списке Основной редакции ГБЛ Рум. собр. № 378, иным окончанием, чем в варианте У Основной редакции, — кратким сообщением о возвращении Дмитрия с поля брани в Москву.¹¹ Но, помимо этих общих черт, свидетельствующих о близости трех названных списков «Сказания», еще более на особо тесную связь их указывают одинаковые во всех трех списках, явно испорченные, искаженные чтения. В этой группе списков «Сказания», как и в Летописной и Распространенной редакциях, есть эпизод, в котором говорится, что Мамай не верит послам от Олега Рязанского и Ольгерда Литовского. По чтению Летописной и Распространенной редакций, Мамай замечает — «яко мнех во едине совокупление будут (Дмитрий, Олег и Ольгерд, — Л. Д.) на нас, — ныне же разность велика меж ими» (чтение Летописной редакции, в Распространенной вместо «разность» — «разнество»). В списках же Ув, М и Р₁ явная ошибка в чтении этой фразы: «...ныне же празность велика межь има». В авторской сентенции по поводу измены Олега Рязанского вместо фразы «Ныне же сего Олга Рязанскаго втораго Святополка нареку» в списках Ув, М и Р₁ читаем: «Ныне же сего агарянского втораго Святополка нареку». В плаче великой княгини Евдокии искажено название реки Калки: «Брань бысть на Балке», «от тоя Балския брани» (так в списках М и Р₁, в списке Ув — «брань бысть на Бакалке» и «от тоя Бакалкинския брани»). Эти примеры можно было бы значительно увеличить, но и из приведенных видна исключительная близость текстов «Сказания» в списках Ув, М и Р₁. Вместе с тем пример с чтением «Балка» в М и Р₁ и

⁸ Для того чтобы не путать этот список «Сказания» с Уваровским, № 1435 (Ув), условного обозначения ему не даю. Более подробное описание и характеристику всех трех списков см.: Л. А. Дмитриев. Обзор редакций Сказания о Мамаевом побоище; Описание рукописных списков Сказания о Мамаевом побоище (в кн.: Повести о Куликовской битве, стр. 450, 461—462, 482, 487—488, 493).

⁹ С. К. Шамбинаго, стр. 63.

¹⁰ Там же, стр. 97.

¹¹ См.: Повести о Куликовской битве, стр. 451.

«Бакалка» в Ув и ряд других случаев, когда Ув, с одной стороны, а М и Р₁, с другой, отличаются какими-то вариациями,¹² полностью соответствуют и характеру взаимоотношения миниатюр в этих списках: близость между миниатюрами М и Р₁ значительно бóльшая, чем между ними и Ув.

Неизвестный С. К. Шамбинаго список «Сказания» П входит в группу списков Ув, М и Р₁. Этот список настолько близок к М, что есть все основания считать его либо непосредственной копией М, либо точной копией протографа М. Необходимо отметить, что и в М и в П листы рукописи перепутаны. Последовательность этих перепутанных листов в обоих списках не совпадает, однако каждый лист сам по себе, как единое целое, одной рукописи полностью совпадает с листами другой. Таким образом, мы видим, что писец копировал оригинал, в точности повторяя не только содержание текста, но и расположение текста на листе. Рукопись П весьма поздняя, но, видимо, в этом копировании лицевой рукописи отразилась старая традиция — переписывание лицевой рукописи заставляло писца строже, точнее относиться к переписываемому тексту: ему было необходимо соразмерять расположение текста по листам с расположением миниатюр в тексте. Итак, в рукописях «Сказания» Ув, М, Р₁ и П мы имеем одну редакцию миниатюр, представленную тремя вариантами: Ув — один вариант, наиболее близкий к протографу редакции, Р₁ — второй и М и П — два списка третьего варианта.

В каком же отношении к этим миниатюрам «Сказания» находятся миниатюры других лицевых рукописей этого памятника? Из приведенных выше высказываний С. К. Шамбинаго мы видим, что миниатюры рукописи Р₂ связывались им с типом миниатюр, подобным миниатюрам М или Р₁, т. е. с более поздним видом миниатюр, чем в раннем варианте этой редакции миниатюр — в списке Ув. Напомню, что С. К. Шамбинаго вынес весьма суровый приговор миниатюрам этой рукописи, заметив, что они не имеют художественного значения. Эта несправедливая оценка, по всей вероятности, послужила причиной того, что миниатюры этой рукописи «Сказания» остались вне интереса искусствоведов, занимающихся историей древнерусской миниатюры. Только этим, видимо, можно объяснить то обстоятельство, что авторы раздела о миниатюре XVII в. в IV томе академической «Истории русского искусства», останавливаясь на миниатюрах «Сказания о Мамаевом побоище», дают высокую оценку миниатюрам лондонского списка, весьма низкую — миниатюрам списка Р₁ и совершенно не касаются миниатюр в списке Р₂.¹³ А между тем внимательный анализ миниатюр этого списка позволяет многое уточнить и понять в истории иллюстрирования «Сказания о Мамаевом побоище», и в частности разобраться в вопросах отношения миниатюр Л к остальным

¹² Так, например, в Ув, в перечислении пришедших на Москву белозерских и ярославских князей, в отличие от М и Р₁, после «Андрей Инемской» (это общая ошибка Ув, М и Р₁, вместо «Кемский») прибавлено «князь Лев Каргополоской» и вместо «Лев Серпуховской» М и Р₁ — «Лев Серпской»; в эпизоде об испытании примет Дмитрием Волынцом вместо слов «и зоря уже неизгасше» М и Р₁ и Ув — «и зоря уже изгасше».

¹³ Неясно, почему в «Истории русского искусства» названы только миниатюры списка Р₁ (при этом со ссылкой на рукопись, а не на издание их в книге С. К. Шамбинаго) и ничего не сказано о миниатюрах Ув, которые, как это подчеркивал С. К. Шамбинаго, более архаичны по своим формам и гораздо выше по исполнению миниатюр Р₁ и которые характеризовались С. К. Шамбинаго как источник миниатюр Р₁. Вызывает удивление и то обстоятельство, что в книге С. К. Шамбинаго воспроизведены миниатюры списка Р₁, а не Ув. Видимо, это может объясняться только какими-то техническими причинами.

миниатюрам в лицевых списках «Сказания». К более подробному рассмотрению миниатюр в списках Р₂, Б и Л мы и перейдем.

Общее происхождение не только списков «Сказания» Р₂ и Б, но и тех сборников, в которые эти списки входят, не подлежит сомнению. Оба сборника размером в лист, оба состоят из «Александрии» и «Сказания о Мамаевом побоище», оба этих произведения и в том и другом сборнике — лицевые, и все миниатюры обоих сборников (и в «Александрии» и в «Сказании») близки друг другу. Вместе с тем нельзя возводить один сборник непосредственно к другому. В Р₂ в «Сказании» 33 миниатюры,¹⁴ в Б — 28. Частично это объясняется дефектами списка Б: в нем вырваны листы, соответствующие таким местам списка Р₂, в которых имеется 5 миниатюр. Но, кроме того, в Б отсутствуют две миниатюры и в тех частях, где текст сохранился и где соответственно в Р₂ имеются миниатюры. Одновременно с этим в Б есть одна миниатюра, параллельной которой в Р₂ нет. Итак, оба списка восходят к общему протографу. Так же, как и в группе списков Ув, Р₁, М и П, списки Р₂ и Б очень близки текстуально. Текст «Сказания» в этих списках — вариант У Основной редакции. Издавая этот вариант «Сказания» по списку ГБЛ, собр. Ундольского, № 578, С. К. Шамбинаго явные пропуски и ошибки этого списка вносил и исправлял по списку Р₂, который он определял как «точную копию У(ндольского)».¹⁵ Сравнивая список Б со списками «Сказания» Р₂ и Ундольского, убеждаемся в том, что список Б почти полностью совпадает с Р₂: большинство отличий Р₂ от У имеется и в Б. Различий между Б и Р₂ немного, и они весьма незначительны. Нетрудно убедиться из высказываний самого же С. К. Шамбинаго и его публикации текста по списку Ундольского в ошибочности его утверждения, что список Р₂ восходит к списку Ундольского: в «точной копии» не может быть «несомненных пропусков» оригинала. Полное текстологическое сопоставление между собой всех списков «Сказания», в том числе и списков варианта У Основной редакции, — дело будущего. Но уже сейчас можно утверждать, что, хотя списки Р₂ и Б значительно более поздние по времени (конец XVII — начало XVIII в.), чем список Ундольского (XVI в.), мы не имеем никаких оснований возводить эти списки к списку Ундольского: все три восходят к какому-то более раннему общему источнику, и текст этого источника точнее отразился в поздних его списках, а не в самом раннем из дошедших до нас. К такому заключению мы имеем основание прийти не только потому, что в списках Р₂ и Б встречаются по сравнению со списком Ундольского явно более точные, верные чтения, подтверждаемые чтениями других вариантов и редакций «Сказания», но в этом нам помогают и миниатюры. Миниатюры Р₂ и Б восходят к какому-то общему источнику, а так как список Ундольского не лицевой, то уже поэтому мы не имеем права возводить прямо к нему два очень близких, по непосредственно друг с другом не связанных лицевых списка.

С. К. Шамбинаго в своем исследовании лишь перечислил подписи к миниатюрам Р₂, не дав никакого описания самих миниатюр. Поэтому я дам краткое описание всех миниатюр Р₂, отмечая одновременно сходства и отличия параллельных изображений в Б. Такое описание при наличии подробной характеристики миниатюр в списках Ув, Р₁ и М, имеющейся в исследовании С. К. Шамбинаго,¹⁶ даст возможность в случае обнару-

¹⁴ С. К. Шамбинаго, перечисляя подписи к миниатюрам Р₂, одну пропустил (см.: С. К. Шамбинаго, стр. 103—105).

¹⁵ С. К. Шамбинаго, стр. 13.

¹⁶ Там же, стр. 63—92.

жения новых лицевых списков «Сказания» определить их место среди известных к настоящему времени.

1. Миниатюра перед текстом «Сказания», над заголовком, без подписи. Дмитрий и Владимир сидят на троне, по обе стороны от них стоят бояре.

В Б эта миниатюра расположена так же, как и в P_2 — над заголовком. Бояр, окружающих трон, здесь нет.

Миниатюры в обеих рукописях сходны по содержанию, композиции, общему характеру рисунка. Но есть и целый ряд различий: неодинаково изображаются лица князей, их короны, в Б трон изображен в виде стола. в P_2 — со спинкой, имеются отличия в раскраске рисунков.

2. Миниатюра без подписи. Дмитрий молится в своей «ложнице» перед образом Нерукотворного Спаса. Он стоит на левом колене справа,¹⁷ внизу, простирая левую руку к иконе, изображенной в верхнем левом углу миниатюры. Правой рукой осеняет себя двуперстным крестом. Под иконой, на переднем плане небольшой стол, на котором лежит княжеская корона. Палата изображена в виде двухарочного помещения с тремя окнами.

В Б миниатюра с подписью: «Князь велики Дмитрий Иванович молится образу». Заметим, что в списке Б названия миниатюр сделаны всюду, где они есть, в виде подписи внизу, после текста основного содержания, если таковой читается на листах с миниатюрами. В списке же P_2 надписи к миниатюрам сделаны над миниатюрами.

Миниатюра в Б по композиции схожа с P_2 , но исполнение значительно отличается: иначе изображены палаты — с крышами, шпилями, флагами на башенках, окна в палате круглые и глубокие арочные, по-разному в обеих миниатюрах передан образ Нерукотворного Спаса.

3. В P_2 это первая миниатюра с надписью: «Придоша к великому князю Дмитрею Ивановичю белозерские князи, подобни суще боеви». Слева на троне в коронах, с жезлами в правых руках изображены Дмитрий и Владимир. Справа перед ними стоят бояре без шапок.

В Б этой 3-й миниатюре P_2 соответствует 4-я, так как перед ней имеется миниатюра, отсутствующая в P_2 . Третья миниатюра в Б без подписи, изображает первый приход Дмитрия с Владимиром к Киприану. Слева изображены один за другим князья: впереди Дмитрий, а за ним Владимир, справа перед ними Киприан в митрополичьих ризах и белом клобуке, благословляющий князей. Никаких аксессуаров на этой миниатюре нет.

Четвертая миниатюра Б, соответствующая 3-й P_2 , имеет близкую к P_2 подпись: «Придоша к великому князю белозерские князи». По содержанию и композиционно этот рисунок в Б совпадает с P_2 ; различия в деталях и манере рисунка: в толпе предстоящих бояр вырисовано больше лиц (в P_2 детально изображены два первых боярина, остальные — массой голов), под Дмитрием более пышные подушки, чем под Владимиром (в P_2 одинаковые).

4. «Преподобный Сергий сrete и благослови крестом великого князя Дмитрея Ивановича, (бра)та его, князя Володимера Андрееви(ча), и все христолюбивое войско его».

Справа на фоне храма изображен Сергий, благословляющий крестом стоящих слева князей и бояр. Князья в коронах, все остальные с непо-

¹⁷ Здесь и всюду ниже при употреблении терминов «справа» и «слева» имеется в виду расположение от зрителя.

крытыми головами. Князья и их свита изображены на фоне горок. В Б (здесь это 5-я миниатюра) подпись немного иная: «Преподобный Сергей благослови великаго князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Володимера Андреевича крестом».

По содержанию и композиционно миниатюры сходны, но, как и в предыдущих случаях, имеется и ряд отличий В Б — весь рисунок на фоне храма. Храм изображен в обеих миниатюрах по-разному: в Б — трехкупольный, с восьмиконечными крестами: в P_2 — однокупольный, по бокам от центрального купола два шпиля с крестами, все кресты четырехконечные; в Б Сергей с нимбом, в P_2 нимба нет.

5. «Преподобный Сергей окропи святою водою великаго князя Дмигрия Ивановича и брата его, князя Володимера Андреевича, и все христолюбивое войско его».

Композиционно эта миниатюра повторяет предыдущую, но в руках у Сергия здесь кадильница и чаша. Иначе, чем на предыдущей миниатюре, изображен храм — здесь только центральный купол, крест восьмиконечный. Сзади по всему фону горки и травы.

В Б (здесь это 6-я миниатюра) подпись под рисунком короче: «Преподобный Сергей окропи водою великаго и все войско его». Отличия от P_2 такого же типа, как и в предыдущем случае: весь рисунок на фоне трехглавого храма, заднего плана с горками и травами нет.

6. «Князь Дмитрий Ивановичъ прииде к митрополиту Киприяну з братом своим и со всеми князми рускими».

Слева князья в коронах, за ними свита без шапок. Справа Киприан, за которым стоит его свита, он простирает обе руки к Дмитрию. На заднем плане миниатюры горки с травами, за которыми в правом углу вырисовываются написанные силуэтом шпили и башни.

В Б (здесь 7-я миниатюра) подпись иная: «Князь же великий поведи митрополиту едино, еже глагола ему преподобны Сергей». Но содержание миниатюры то же самое, такие же композиция рисунка и позы персонажей, как и в P_2 . В отличие от P_2 в Б нет никакого фона, Киприан изображен без свиты.

7. «Князь великий Дмитрий Ивановичъ з братом своим, князем Володимером, моляся в церкви образу господню».

На фоне четырехглавого собора справа стоят Дмитрий и Владимир, молитвенно обращающиеся к иконе, изображенной в левой верхней части миниатюры, под куполами собора. Дмитрий простирает к иконе обе руки, правая согнута, пальцы сложены для дуперстного креста, у Владимира правая рука поднесена ко лбу в дуперстном сложении.

В Б (здесь это 8-я миниатюра) подпись к миниатюре сходная: «... (князь) же великий з братом своим (кня)зем Володимером молятся (...) образу». Содержание и композиция рисунка в Б полностью совпадают с P_2 . Отличия — в характере рисунка и в деталях. Храм также четырехглавый, но сама архитектура здания, главы, кресты иной формы. Здесь оба князя осеняют себя троеперстным крестом.

8. «Князь великий Дмитрий Ивановичъ з брат(ом) своим, князем Володимером Андреевичем, молятся и припадают ко гробу чудотворца Петра».

На переднем плане на фоне пятиглавого храма гробница Петра, над которой склонившись стоят Дмитрий и Владимир.

В Б (здесь это 9-я миниатюра) подпись к рисунку короче: «Князь же великий Дмитрий Ивановичъ молится чудотворцу Петру». Миниатюра в Б близка к P_2 , но в P_2 более детально и подробно вырисован интерьер храма.

9. «Архиепископ благослови великого князя Дмитрея Ивановича и брата его, князя Володимера Андреевича».

На фоне трехглавой церкви справа стоит Киприан, благословляя наклонившихся к нему Дмитрия и Владимира, за которыми стоит свита. Это вторая миниатюра, где князья изображены без корон (первое изображение князя без короны — Дмитрий, молящийся в своей «ложнице»). Как и в предыдущей миниатюре, тщательно вырисован интерьер храма.

В Б (здесь это 10-я миниатюра) подпись иная, более пространная: «Князь великий Дмитрей Иванович з братом своим, князем Володимером, прийдоша ко преосвященному митрополиту Киприяну, прося у него благословения. Митрополит же благослови их и все христоролюбивое войско их». Миниатюра близка к Р₂. Как и на предыдущей миниатюре, интерьер здесь изображен проще, чем в Р₂, также немного иначе изображена церковь, но тоже трехглавая.

10. «Князь великий Дмитрей Иванович и брат его, князь Володимер Андреевич, и все войско отдают своим женам конечное целование».

На фоне горок, на переднем плане, стоят князья, держась за руки с женами. Дмитрий в центре, Владимир справа от него. Князья и их жены в коронах. Слева от Дмитрия и справа от Владимира изображено еще по одной паре прощающихся, и за ними соответственно влево вглубь и вправо вглубь изображена масса голов остальных участников «конечного целования».

В Б (здесь это 11-я миниатюра) подпись такая же, с незначительными вариациями: «Князь же великий Дмитрий Иванович з братом своим, князем Володимером, и со всеми воеводы отдает конечное целование женам своим». Здесь эта миниатюра композиционно построена иначе. Фона никакого нет. На переднем плане парами стоят мужчины и женщины. В правой части миниатюры Дмитрий и Владимир, по левую руку от них их жены. Все они в коронах. Слева, рядом с князьями, изображены в таких же позах еще две пары. Сзади, за передним планом, изображена масса голов остальных прощающихся.

11. «Князь великий Дмитрей Иванович з братом своим, князем Володимером Андреевичем, и со всеми князьями рускими противу безбожного Мома поехалаша».

На переднем плане на коне великий князь, движение слева направо. Левою рукой он держит поводья, правая простерта вперед вверх, лицо обращено кверху. Немного сзади и левее в такой же позе Владимир. За ним в стороне и в глубине изображено войско. Воины в остроконечных шлемах, в кольчугах, над их головами лес коний. Впереди развевающееся однокоботное красное знамя.

В Б (здесь это 12-я миниатюра) подписи нет. Композиционно миниатюра совпадает с Р₂, но в исполнении и деталях ряд отличий. Кони здесь изображены значительно искуснее, чем в Р₂. В отличие от Р₂ здесь ноги всадников в стремях — в Р₂, в рисунках с конями, нигде стремя не изображаются. В правой руке Дмитрий держит жезл. Княжеский конь украшен наузом (подшейное конское украшение). Знамя двухкоботное. В левом верхнем углу миниатюры лик солнца с изображением человеческих черт, из рта солнца исходят лучи на войско великого князя.

12. «Великая княгини Евдокея и княгини Володимерова зрят на великих князей ис терема злотоверхаго».

Слева изображены крыльцо, ведущая вверх лестница и над ней сени, на которых сидят две княгини, за ними виднеется еще одна фигура, обрезанная левым краем рисунка. Крыльцо и сени с балясинами, витыми колоннами и другими украшениями. Внизу справа идущее слева направо

войско. Характер изображения, позы и детали в рисунке воинской силы те же, что и на предыдущей (11-й) миниатюре. Княгини простирают руки в сторону уходящего войска (рис. 1).

В Б (здесь это 13-я миниатюра) подписи под рисунком нет. Композиционно рисунок схож с Р₂. Крыльцо и сени здесь изображены проще и

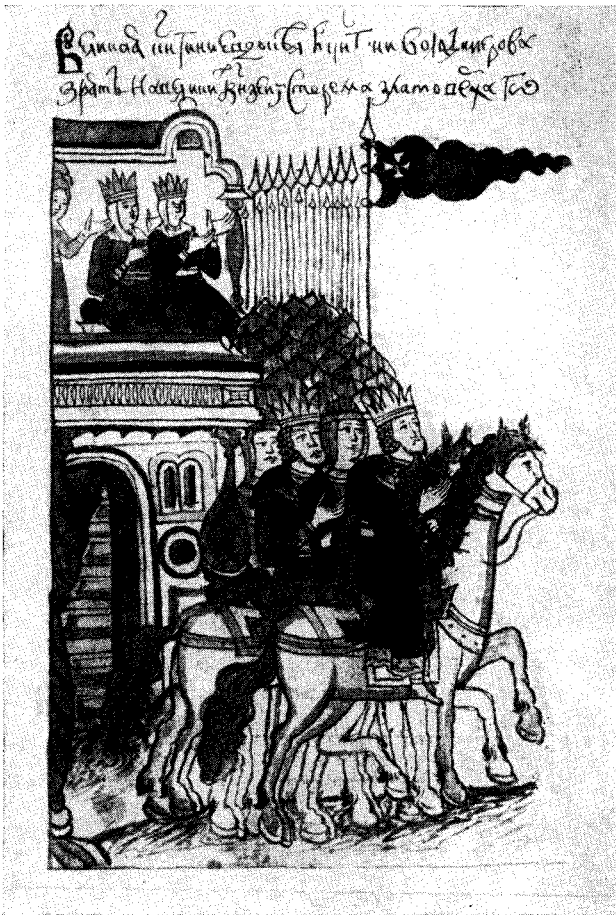

Рис. 1. «Великая княгиня Евдокея и княгини Володымерова зрят на великих князей ис терема златоверхаго». (ГБЛ, собр. Музейное, 3155, начало XVIII в., л. 165 об.).

строже, чем в Р₂. На сених сидят только две княгини, третьей фигуры, как в Р₂, здесь нет. Войско здесь изображено так же, как и на предыдущей в этой рукописи миниатюре (отличия от Р₂ см. в описании 11-й миниатюры).

13. «Князь великий Дмитрий Ивановичъ з братом своим, князем Володымером, и со всеми с вой Москву реку возится».

На воде, изображенной в виде волн зеленого цвета, три ладьи. На переднем плане почти во всю ширину рисунка ладья с князьями и боярами. У нее высокий нос и корма, нос загибается в виде птичьей головы. Две другие ладьи, изображенные более мелко на втором плане, такого же

типа. Князья сидят впереди на носу с простертыми вперед руками. На носу ладьи маленький двухоботной флажок, посередине такого же типа большое знамя. И там и тут хоботы разного цвета. За князьями изображены бояре в круглых разноцветных шапках с меховой опушкой. На корме кормщик с веслом. Две другие ладьи с воинами, обе идут одна за другой (все изображено в движении слева направо). На первой ладье знамя — квадратное поле с изображением креста, и к полю прикреплены три хобота. На второй — однооботное развевающееся знамя.

В Б (здесь это 14-я миниатюра) подпись такая — «Князь же великий Москву реку возится на Красном перевозе Брашеве».

Хотя и видна связь этой миниатюры Б с соответствующей миниатюрой Р₂, тем не менее необходимо отметить, что имеется и ряд существенных отличий. Здесь зеркало воды кругом обрамлено горами. На переднем плане в ладье только князья (Дмитрий и Владимир) и кормщик. На двух других, второго плана, — воины, за этим контуром изображено еще пять маленьких ладей с воинами. Все ладьи с парусами. Знамя только в одной из ладей второго плана. Тип ладьи близок к рисунку в Р₂, но немного иной — нос и корма неодинаковой высоты. Поза князей иная — здесь они спокойно сидят, Дмитрий одной рукой держится за мачту.

14. «Епископ коломенский сrete великого князя Дмитрея Ивановича и брата его, князя Володимера, во вратех градных и осени его крестом».

На фоне городской стены, в правом углу которой находятся городские ворота и из-за которой виднеется трехглавый собор, встреча Дмитрия и его войска коломенским епископом. Епископ со свитой изображен на фоне ворот, в правой руке он держит крест и благословляет им движущихся к нему навстречу (слева направо) князей и их свиту. Дмитрий и Владимир с простертыми к епископу руками. Они в коронах, свита без шапок.

В Б (здесь это 15-я миниатюра) подпись такая: «Коломенский епископ сrete великаго князя во градных вратех». Композиционно рисунок в Б близок к Р₂, но здесь городские ворота посередине стены, т. е. посередине рисунка. Немного иначе изображены городская стена и собор, так же как и в Р₂, трехглавый. Князья представлены здесь в более спокойной позе — руки не простерты к епископу. Один из свиты епископа держит епископский посох.

15. «(Велик)аго князя Дмитрея Ивановича стязи ревут».

На переднем плане два коня. На первом, стоящем впереди и чуть справа, сидит трубящий в трубу воин. За этим воином вглубину еще ряд трубящих воинов. На втором коне воин с барабаном, в руках держит поднятые кверху барабанные палочки. На заднем плане изображение войска, над войском лес копий и развевающееся однооботное знамя.

В Б такой миниатюры нет.

16. «Князь великий Дмитрей Иванович с братом своим, князем Володимером, Оку реку возится и с своим войском».

В целом по своему характеру эта миниатюра близка к 13-й, но имеется и ряд различий. Вода изображена в виде зеленого круга, обрамленного горами. Ладья только одна, с парусом. Князья сидят впереди, они в коронах, едущие с ними без шапок. Кормщик сидит. На ладье два кормовых весла — по одному с каждого борта. Отметим следующее. Короны князей на этом рисунке переданы немного иначе, чем до этого (так они изображаются и во всех последующих миниатюрах), иной также тип изображения лиц князей — более близкий к списку Б (рис. 2). Может быть, вторую половину рукописи иллюстрировал другой миниатюрист?

В Б (здесь это тоже 16-я миниатюра) подпись весьма краткая: «Князь великий Аку реку возится». В целом миниатюра близка к Р₂. Свита здесь изображена в шапках, кормовое весло одно.

17. «Князь Андрей и князь Дмитрей Ольгердовичи наехаша великаго князя Дмитъ(ри)я и брата его, князя Володимера, ту совокупишася».

Слева направо движутся на конях Дмитрий, Владимир и все русское войско, навстречу им, справа налево, — Ольгердовичи. Изображение коней, позы князей, войска здесь такие же, как и на 11-й миниатюре (выезд войска из Москвы). Ольгердовичи одеты как воины (в шлемах и кольчугах), они изображены как юноши — без бород и усов.

В Б — «Приидоша к великому князю Ольгердовичи, литовские князи, на помощь». Композиционно миниатюра сходна с Р₂. Здесь изображено меньше людей. Ольгердовичи и все литовское войско в шапках с круглыми помпонами. Литовское войско изображено без копий и без знамени.

18. «К великому князю Дмитрею Ивановичю приведоша язык нарочит от сановитых царева двора».

Слева, на троне, в коронах сидят Дмитрий и Владимир, за ними свита без шапок. У князей руки протянуты вперед. Справа, навстречу левой группе, изображены 3 человека: впереди со связанными руками татарин (у него длинные усы, платье такого же покроя, как обычно изображается на русских, но темного цвета), за ним два человека.

В Б — «Стражие великаго князя приведоша языка от сановитых царева двора». Композиционно миниатюра близка к Р₂. Отличие: свиты за князьями нет, Дмитрий в правой руке держит жезл. В группе из трех человек справа трудно определить, кто татарин. По-видимому, это 2-й человек (он изображен старше, чем два других — с лысиной, усами и бородой), первый держит его левой рукой за правую, а свою

Рис. 2. «Князь великий Дмитрей Иванович с братом своим, князем Володимером, Оку реку возитася и с своим войском». (ГБЛ, собр. Музейное, 3155, начало XVIII в., л. 169 об.).

правую руку обращает к великому князю в жесте что-то говорящего человека.

19. «Великий Дмитрий Иванович з братом своим, князем Володимером, и с войском Дон реку возится».

По общему характеру эта миниатюра близка к 16-й, но имеются и отличия. Воды почти не видно — все занимает ладья. По горам, обрамляющим воду, сверху нарисованы травы и цветы. Позы сидящих в ладье такие же, как и на 16-й миниатюре, но фигуры значительно крупнее. Нос ладьи изображен иначе — загнут вовнутрь. Парус здесь превратился в белый стяг. Нос ладьи упирается в изображение гор.

В Б в соответствующем месте дефект — вырван лист.

20. «Мнози волцы приидоша на место то, выюще непрестанно по вся ноши». На фоне желтых гор с деревьями по гри волка с одной и другой стороны обращены мордами друг к другу, стоят на задних лапах, задрав морды кверху с открытыми пастьми и высунутыми языками.

В Б из-за дефекта соответствующей миниатюры нет.

21. «Слетешася орли и врани, и галицы на место, неумолкоша грающе».¹⁸ Над деревьями в разные стороны летают большие и маленькие птицы.

В Б из-за дефекта соответствующей миниатюры нет.

22. «Побеже Мелик з дружиною своею, за ним же гонишася тотарове». Движение справа налево. Две группы всадников. Русские убегают от татар. Мелик в военных доспехах на коне, слева, на переднем плане, за ним изображена его группа воинов. Справа от этой группы такой же группой изображены преследующие русских татары. На переднем плане татарин в круглой шапке, в кафтане, сидит на коне и чем-то вроде крюка на длинной палке цепляет за плечо Мелика. Татарские воины без шапок. Знамя коричневое.

В Б (здесь это 19-я миниатюра) подпись иная: «Татарове же гнаша за стражей... кола великаго князя, егда же виде... и возвратишася». Миниатюра в Б композиционно близка к Р₂. Отличия: над русскими воинами нет копий и стягов, русские воины здесь в шапках, а не в шлемах, как в Р₂. Татары здесь в шлемах и в доспехах. Знамен нет.

23. «Князь великий Дмитрий Иванович з братом своим, князем Володимером, възидоша на высоко место, зряще на войску свою, дивляшася». Слева, сверху, на горах стоят Дмитрий и Владимир в коронах, а за ними виднеются головы в шлемах. Дмитрий и Владимир простерли согнутые руки вверх вперед. Под горой изображено войско: на переднем плане конный воин, за ним виднеются второй конь, лица нескольких воинов, а далее общей массой (как и всюду, где изображается войско) шлемы, над ними копья и развевающееся красное знамя (рис. 3).

В Б (здесь это 20-я миниатюра) подпись под рисунком такая: «Князь же великий възыйде з братом своим и с литовскими князми на высоко место и смотряше сынов русских устроение». Миниатюра сходна с Р₂. Отличия от Б общего характера — в изображении воинов, одежды и т. п.

24. «Князь Дмитрий Иванович шед с коня и паде на колену прямо чермному полку и нача молитися». Композиционно эта миниатюра близка к предыдущей, но левая группа (князя и их свита) спущена с гор. Дмитрий стоит на правом колене, перед ним на пригорке лежит корона, за ним, в такой же коленопреклоненной позе, как и он сам, вся свита.

¹⁸ Позже иными чернилами к этому слову приписана буква («играюще») и добавлено слово «веселяшася».

Дмитрий, простирая руки, смотрит вверх на знамя с образом спасителя, которое развевается над войском (знамя — квадратный образ с тремя разноцветными хоботами).

В Б (здесь это 21-я миниатюра) такая подпись: «Князь же великий паде на зеленой траве, прямо черному знамени, молится Спасову образу».

Рис. 3. «Князь великий Дмитрий Ивановичъ з братом своим, князем Володимиром, въздоша на высоко место, зряще на войску съвою, дивляшеся». (ГБЛ, собр. Музейное, 3155, начало XVIII в., л. 180 об.).

В целом миниатюра сходна с Р₂. Отличия: Дмитрий преклонил оба колена; свита стоит; знамя со Спасовым образом двуххоботное, и от знамени исходят лучи.

25. «Вольнецъ шед с коня и паде на земли и на долг час лежа, и абие воста». На фоне гор, слева, великий князь на коне, за ним Владимир. Они в коронах, за ними русские воины. Здесь князь в воинской кольчуге. Справа стоит конь, обращенный мордой в сторону Дмитрия. Рядом с конем Вольнецъ, изображенный дважды: стоя обращается к великому князю, лежа, облокотившись на правую руку, слушает землю.

В Б (здесь это 22-я миниатюра) следующая подпись: «Князь великий з Дмитрием Волынцем выеха в поле; Дмитрией же Волынец слизе з коня и лежа на долг час». В Б такие отличия от Р₂: гор нет; Волынец только в одной позе — правым ухом припал к земле. Конь Волынца стоит между конями Дмитрия и Владимира (т. е. в левой части миниатюры).

26—27. Две миниатюры в разворот книги: 26-я на л. 177 (220) об., а 27-я на л. 188 (221). Над 26-й миниатюрой надпись: «Князь великий Дмитрией Иванович выеде сам... ис полку, багатыри же русстии удержаша ег(о)»; над 27-й: «...тавшимася обема войскама...».

Обе миниатюры составляют одну общую картину. Левая часть композиции (26-я миниатюра) изображает следующее: на переднем плане на коне Дмитрий, движется слева направо, за ним русское войско. Здесь Дмитрий в воинских доспехах и шлеме, от отсталых воинов отличается только бородой. Обими руками держит поводья. Владимира на этой миниатюре нет. Правая часть композиции (27-я миниатюра): татары, движущиеся навстречу русскому войску справа налево. Характер и тип изображения воинской силы татар такой же, как и на изображениях русского войска. Подчеркнуто количественное превосходство татар над русскими: в татарском войске изображено больше лошадиных ног, шлемов и копий.

В Б (здесь это 23-я и 24-я миниатюры), так же как и в Р₂, обе миниатюры даны в разворот и составляют одну картину. Подписи нет. И содержание и композиция в Б такие же, как и в Р₂. Отличия: на шлеме Дмитрия развевается еловец, в правой руке он держит копьё на плечо; первый татарин на переднем плане держит в левой руке копьё на плечо, здесь в татарском войске изображен бунчук.

28. «Сразившимася Пересвету с печенегом, и едва под ними место не подломися». Слева Пересвет, справа татарин на конях. Кони встали на дыбы навстречу друг другу. Пересвет в воинских доспехах, на которые накинута развевающийся плащ. На голове что-то вроде клобука, или куколя, но с заостренным, как у шлема, верхом. В правой руке у Пересвета копьё, которым он поражает татарина в живот. Татарин в воинских доспехах и шлеме, в правой руке у него длинный меч, которым он ударяет Пересвета по плечу. Голова и черты лица татарина изображены подчеркнута крупнее, чем у Пересвета.

В Б (здесь это 25-я миниатюра) подпись совсем иная, чем в Р₂: «И выехаша ис полков два богатыря, и убишася оба и до смерти, спадоща с коней». Композиционно миниатюра совпадает с Р₂. Различия: Пересвет не в воинских доспехах, а в рясе, на голове куколя. У Пересвета здесь не копьё, а меч, а у татарина наоборот — вместо меча копьё. По величине татарин здесь такой же, как и Пересвет.

29. «(Ср)азившимася обема войскома». Слева русские силы, справа татары. На переднем плане, слева, на коне Дмитрий, левой рукой он держит поводья, в правой, отведенной далеко назад, длинное копьё, которое доходит до изображенного в правой группе первого татарина на коне, держащего в правой руке поднятый вверх меч. За этими фигурами первого плана обычное схематическое изображение воинских сил — шлемы, копьё, развевающиеся стяги. Под конскими ногами валяются отрубленные головы, руки, ноги. Часть копий изображена прямо вверх, часть наклонно друг к другу.

В Б из-за дефекта рукописи (вырван лист) соответствующей миниатюры нет.

30. «Князь Володимер Андреевич скрыся в лузе с своими вои». На переднем плане, справа, Владимир Андреевич на коне, обими руками держит поводья, в правой, кроме того, булава. По переднему плану,

рядом с ним, воины на конях, в доспехах с копьями на плечо. За передним планом обычное изображение воинской силы. На заднем плане, справа, перед воинами нарисованы горы с кустами. Перед войском разведается стяг.

В Б (здесь это 26-я миниатюра) подпись, близкая к Р₂: «Князь Володимер с войском стоит в дубраве». Композиционно миниатюра близка к Р₂. Отличия: вся группа расположена за деревьями, изображенными на переднем плане (большие стволы с шапками листьев наверху), гор нет. В руках у Владимира ничего нет. Воины изображены общей массой, копья на заднем плане, прямо вверх.

31. «Сставшимся обема войскома, и начаша сецшия, и некий облак изыде багрян исполнен рук человеческ, каяждо рука венец держаше». Изображение битвы (слева русские, справа татары) сходно с изображением на 29-й миниатюре, но здесь вместо копий с той и другой стороны сабли, занесенные над головами. Над русскими воинами облако, из которого высовываются руки (5), держащие венцы.

В Б (здесь это 27-я миниатюра): «Изыде облак багрян, имеющ полон рук человеческих и каяждо рука держаше венец». Миниатюра в Б близка к Р₂. Вооружение войск изображено иначе — копья, сабли, бердыши. У татар, кроме того, бунчук.

32. «Феодор и Григорей Костромичи наехаша великого князя Дмитрея Ивановича под сеченым дровом березовым бита велми, отдыхающа». Справа пригорок с деревом на нем, на пригорке под деревом лежит Дмитрий. Он в короне, со скрещенными на груди руками. Слево от него, перед пригорком, два юноши: один, на первом плане, стоит на коленях, протянув к великому князю руки, другой, за ним, также простирает к великому князю руки. За юношами изображены два оседланных коня.

В Б (здесь это 28-я, последняя, миниатюра) такая подпись: «Князь великий под сеченым дровом березою отдыхает велми бит». С Р₂ в целом эта миниатюра Б сходна, но есть и существенные различия: здесь князь лежит горизонтально, оба юноши склонились над ним.

33. «Князь великий Дмитрий Иванович з братом своим, князем Володимером Андреевичем, поидоша к Москве, и повеле всем Дон реку возитися». Миниатюра близка к остальным миниатюрам, изображающим переправу через реки (см. №№ 13, 16, 19). Зеленые волны, на фоне которых во всю ширину миниатюры нарисована одна ладья с белым парусом. На переднем плане Дмитрий и Владимир, рядом с ними и за ними в круглых разноцветных шапках бояре.

Таковы все миниатюры в рукописях Р₂ и Б. Стараясь быть кратким, я останавливался на характеристике самых общих черт описываемых миниатюр и наиболее существенных отличий между Р₂ и Б. Не считая себя достаточно компетентным в вопросах искусствоведения, я умышленно не давал цветовых характеристик миниатюрам. Отмечу лишь, что миниатюры в Б и Р₂ отличаются друг от друга по общему характеру тональности миниатюр, иногда окраска каких-то деталей соответствующих миниатюр в Б и Р₂ совпадает, иногда бывает разной. В обеих рукописях в разных миниатюрах цвет одеяний и других деталей варьируется. Дмитрий и Владимир изображаются в одеждах разных цветов, при этом очень часто верхняя одежда (корзно) одного князя по цвету одинакова с основной одеждой, одетой под корзном¹⁹ другого, и наоборот.

¹⁹ Термин «основная одежда» для обозначения верхнего платья употребляет А. В. Арциховский в статье «Одежда» в книге «История культуры древней Руси» (т. I, М.—Л., 1948, стр. 247).

В обеих рукописях характер изображения одежды и оружия в целом сходен. Основная одежда князей — длинные, до щиколоток, платья с поясом, воротом-оплечьем, широким вышитым обшлагом, с обшитыми каймой лапами и подолом. Такого же типа, но менее украшенная основная одежда и бояр. Поверх основной одежды обычно надето корзно с застежкой в виде круглой бляхи либо сбоку ворота, либо посередине. На некоторых миниатюрах вместо корзна изображается однорядка, подбитая мехом, с широким отложным воротом. Воины изображаются в шлемах и кольчугах. Из-под кольчуги виднеется подол кафтана (основного, короткого — до колен — платья) и рукава (рукава кольчуги по локоть), штаны, плотно облегающие икры ног, заправлены в высокие, по колено, и узкие сапоги. Седла, как княжеские, так и у остальных воинов, высокие, фигурные, с высоко поднятой передней лукой. Основной вид оружия — копья, реже изображаются сабли и мечи. Знамена преимущественно однохоботные и двуххоботные, длинные, развевающиеся по ветру. Двуххоботные знамена иногда изображены с хоботами разных цветов. Один раз в обеих рукописях встречается знамя с изображением Нерукотворного Спаса (Р₂ — 24, Б — 21): на древке икона со Спасом, а по краю иконы развевающиеся хоботы. Войсковые трубы длинные, узкие конусообразные; барабан снизу круглый, сверху плоский, барабанные палочки длинные, с круглыми утолщениями на концах. Выше, в описании миниатюр, кратко характеризовались архитектурные детали при изображении храмов, городских стен, палат.

Более подробный историко-искусствоведческий анализ миниатюр в рукописях «Сказания» Р₂ и Б безусловно даст немало материалов для суждений о том, какие ранние черты отразились в этих миниатюрах конца XVII—начала XVIII в.; реалии этих миниатюр, по всей видимости, могут представить интерес для историков архитектуры, культуры, быта, военного дела Древней Руси. И с этих точек зрения миниатюры двух названных рукописей еще ждут своего исследователя. Мы же продолжим рассмотрение генезиса этих лицевых рукописей «Сказания» в их взаимосвязи с другими лицевыми списками памятника.

Прежде всего остановимся на списке Л. В описании этого списка Е. Ф. Хилл привела фотокопии лл. 19 и 29 об. рукописи. На л. 19 — перевоз через реку Москву русского войска. Под миниатюрой следующая подпись: «Князь Володимер Андреевич Москву реку возится, на Красном перевозе на Брашеве». Река изображена в виде зеркала воды, обрамленного горами. В середине в ширину всей миниатюры ладья. Трудно сказать, не имея представления о всех миниатюрах рукописи, изображены ли среди стоящих в лодке и Дмитрий и Владимир или только один Владимир. В центре группы стоит князь, в княжеской круглой шапке. Рядом с ним на переднем плане еще две фигуры: справа юноша в конусообразной шапке, слева бородатый человек в высокой овальной шапке. Если в центре изображен Дмитрий, то второй бородатый человек — Владимир. На втором плане бородатые и безбородые лица в конусообразных шапках, на заднем плане шлемы воинов, копья, бердыш и какое-то оружие в виде крюка на длинном древке, два двуххоботных знамени. На корме сидит кормщик с кормовым веслом в правой руке. Ладья с длинным носом, корма под прямым углом к днищу, высоко поднятая вверх.

Благодаря фототипическому воспроизведению всего листа, на котором находится эта миниатюра, мы имеем возможность прочесть текст, после которого идет миниатюра: «... (Ми)хайло Саларева, Тимофея Весеякова, Дмитрея Черного, Дементия Соларева, Ивана Шиха. И подвигоса по велицей широцей дорозе князь, а по них сынове русстии, и

успешно грядут, яко медвены чаши пити и стеблия виннаго ясти, — хотя тебе чести добыти и славнаго имени. И стук стучит, а гром гремит — по ранней зоре князь Володимер Андреевич Москву реку возится на Красном перевозе на Брашеве». В P_2 и Б после точно такого же текста идет 13-я в P_2 и 14-я в Б миниатюры. В этом отношении совпадение полное, но отличается подпись под миниатюрой (см. выше, в описании этой миниатюры в P_2 и Б) и сама миниатюра: и в P_2 и в Б не одна, а несколько ладей, есть различия и в рисунке, и в характере изображения, и в деталях. И тем не менее есть все основания ставить в генетическую связь эту миниатюру Л с миниатюрами P_2 и Б. Прежде всего об этом говорит расположение миниатюры — всюду в одинаковом текстовом обрамлении. Совпадают миниатюры и по содержанию — переправа через Москву-реку. О связи этой миниатюры Л с миниатюрами P_2 и Б свидетельствует сопоставление ее с другими миниатюрами P_2 и Б на сходный сюжет. В P_2 есть еще три миниатюры с изображением переправы через реку (16-я, 19-я и 33-я); в Б одна (16-я, параллельная 16-й P_2). На всех этих миниатюрах, как и на рассматриваемой Л, изображается только одна ладья, сходно дается и изображение реки — зеркало воды, обрамленное снизу и по бокам горами.

Еще больше о связи миниатюр Л с миниатюрами P_2 и Б говорит вторая миниатюра, воспроизведенная в статье Е. Ф. Хилл. Эта миниатюра изображает смотр князьями русского войска после «уряжения полков» Волынцом. В Л под этой миниатюрой следующая подпись: «Князь великий Дмитрей з братом своим и с литовскими князьями вшед на гору високу и смотря на войско свое и видеша на знамених их воображен Спасов образ». В P_2 этой миниатюре соответствует 23-я, а в Б — 20-я миниатюры. Текст, в которой вставлена эта миниатюра в Л, такой: «... светящиеся, яко облаки и тех хоботи хотят промолвити. И богатыри же рустии и их хоругови, яко живи пашутся. Доспеси же рустии, аки вода от ветра колеблется, а шоломы на главах их, аки утренняя заря светящихся во время ведра, еловцы же шоломов их, яко пламен огненный колеблется». После этого предложения идет миниатюра, а за ней продолжение текста: «Дивно бо видети и ужасно зрети таковых русских сынов...». И в P_2 и в Б соответствующая миниатюра ограничена точно таким же текстом. Заметим, что близость этого листа в Л к рукописи Б видна и в том, что подпись под миниатюрой идет после текста основного содержания, в который включена миниатюра, хотя сам текст подписи в обеих рукописях не совпадает. Особенность подписи под миниатюрой в рукописи Л (подпись дается не под миниатюрой, а после строки основного текста) Д. С. Лихачев расценивает как лишнее доказательство того, что миниатюра в Л — копия более древнего оригинала.²⁰ Так как эта миниатюра Л, помимо статьи Е. Ф. Хилл, воспроизводилась еще два раза (см. выше, стр. 240), давать ее описания я не буду, а отмечу лишь чем она отличается и совпадает с соответствующей в P_2 и Б. Композиционно миниатюра Л полностью совпадает с P_2 и Б: слева вверху, на горах, князья, справа внизу — конное воинство. Отличия: в Л на горах 4 фигуры в ряд — Дмитрий, Владимир и Ольгердовичи. Над войском два знамени: одно однохоботное, а второе двуххоботное. Двуххоботное с изображением Нерукотворного Спаса (здесь Спас не в виде иконы, а изображен на развеваемомся полотнище знамени). Дмитрий, Владимир и Ольгердовичи здесь в круглых княжеских шапках. Над войском, кроме копий, изобраа-

²⁰ См.: IV Международный съезд славистов, Материалы дискуссии, т. 1, М., 1962, стр. 171.

жен бердыш, какое-то оружие в виде крюка на длинном древке²¹ и трубы; на некоторых войнах шлемы с еловцами. Изображение княжеских одежд (сверху корзно, под ним основное платье), воинских доспехов (остроконечные шлемы, кольчуги), конской сбруи в целом близко в Л к Р₂ и Б, но в деталях много различий — кольчуги изображены по-разному, шлемы в Л разной окраски — одни темные, другие светлые, третьи полосатые (ср. рис. 3 на стр. 251). Кроме такого рода отличий, обе миниатюры Л характеризуются большим искусством исполнения, а самое главное — явным отражением, как уже отмечалось выше, архаичных черт.²² Итак, мы безусловно, даже на материале только двух миниатюр Л, можем утверждать, что в основе миниатюр Л, Р₂ и Б лежит один общий источник. Пользуясь терминологией древнерусской текстологии, мы имеем все основания сказать, что в этих трех списках перед нами три варианта миниатюр одной редакции.

Описывая список Л, Е. Ф. Хилл отмечает, что в нем «все эпизоды „Сказания“ находятся в том же порядке и почти слово в слово со списками Ундольского (578) и Толстого (II, 32)»,²³ т. е. в Л текст варианта У Основной редакции «Сказания» такой же, как и в списках Р₂ и Б. Но с этими списками «Сказания» список Л, как можно предполагать, связан еще теснее; по-видимому, список Л — часть такого же типа лицевого сборника, как Р₂ и Б, т. е. сборника, состоящего из «Александрии» и «Сказания». Е. Ф. Хилл пишет: «Можно думать, что этот список (Л, — Л. Д.) был частью сборника. На 27 листах в правом углу сверху различима нумерация листов кириллицей, причем л. 156 предполагаемого сборника соответствует нашему л. 15, л. 178 — л. 23, л. 194 — л. 39».²⁴ Но если 15-й лист «Сказания» был 156-м листом сборника, то «Сказанию» в этом сборнике предшествовал 141 лист какого-то текста. Если мы учтем, что Л, как и Р₂, — рукопись в лист, то вполне можем считать, что в Л, как и в Р₂, «Сказанию» предшествовала лицевая «Александрия»: в Р₂ «Александрия» занимает 145 листов.

В Р₂ 33 миниатюры. В Б есть одна миниатюра, отсутствующая в Р₂. В Л — 64 миниатюры. Как отмечает Е. Ф. Хилл, в рукописи Л сохранились не все листы, кроме того, часть миниатюр в Л могла быть опущена миниатюристом и умышленно.²⁵ Таким образом, в протографе всех трех списков было больше миниатюр, чем даже в списке, донесшем до нас наибольшее число миниатюр, — в списке Л. Сопоставление всех миниатюр Л с миниатюрами Р₂ и Б поможет уточнить этот вопрос.

В какой же зависимости находятся миниатюры группы списков Л, Р₂ и Б с группой Ув, Р₁, М и П? Напомним, что С. К. Шамбинаго считал миниатюры Р₂ восходящими к оригиналу, «подобному М или Р₁», т. е. к наиболее позднему виду миниатюр «Сказания о Мамаевом побоище». Теперь мы знаем, что список Р₂ не единичен, а является одним из списков особой редакции лицевых списков «Сказания», а в одном из

²¹ Такое же оружие нарисовано и в первой миниатюре Л. Напомним, что в 22-й миниатюре Р₂ (см. выше, стр. 250) татарин цепляет Мелика за плечо каким-то оружием, похожим на крюк, прикрепленный к длинному древку. Видимо, и в этой миниатюре Р₂ и в миниатюрах Л изображено какое-то реально существовавшее оружие подобного типа.

²² См. об этом также: Д. С. Лихачев. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, стр. 422—428.

²³ Е. Ф. Хилл, стр. 6.

²⁴ Там же, стр. 2.

²⁵ Судя по описанию Е. Ф. Хилл, в Лондонском списке нет, например, миниатюры перед текстом памятника, хотя место для нее было оставлено: «Над заглавием списка оставлено место для заставки, но ее нет» (Е. Ф. Хилл, стр. 8).

списков этой редакции миниатюры отличаются сохранением в них весьма архаических черт. Уже это говорит о том, что миниатюры P_2 никак не могут восходить к наиболее позднему виду миниатюр из группы списков $Ув—P_1$. С. К. Шамбинаго был прав только в одном, а именно в том, что миниатюры одной группы лицевых списков «Сказания» связаны с миниатюрами другой группы лицевых списков. Пользуясь характеристикой, данной искусствоведами отдельным спискам этих групп, назовем условно группу списков P_2 , Б и Л Архаической группой, а группу списков $Ув$, P_1 , М и П—Северной группой. Большинство миниатюр Архаической группы имеют соответствия в миниатюрах Северной группы. В Северной группе нет одинаковых миниатюр по содержанию с 1-й и последней (33-й) миниатюрой Архаической группы. Все остальные миниатюры Архаической группы в сходных местах текста имеют себе параллели, совпадающие и по содержанию, а в большинстве случаев и по композиции с миниатюрами Северной группы. Я не буду подробно останавливаться на сопоставлении каждой миниатюры Архаической группы с соответствующими миниатюрами Северной группы, а дам лишь общую характеристику с выделением отдельных, наиболее интересных примеров.

По исполнению, по самому характеру рисунков миниатюры в этих двух группах представляют собой совершенно различные произведения. Но вместе с тем они связаны между собой не потому, что иллюстрируют один и тот же текст, а потому, что в основе их явно виден один и тот же источник, подвергшийся различной переработке. Прежде всего единый источник обнаруживается в совпадении содержания миниатюр, в том, что эти совпадающие миниатюры и в той и другой группе находятся в одинаковом текстовом обрамлении. Весьма показательна в этом отношении, например, взаимосвязь миниатюры «в разворот» в Архаической группе (26—27-я списка P_2 и 23—24-я Б) с соответствующими в Северной группе: и в этой группе обе миниатюры даны «в разворот», составляя единую картину.²⁶ Общность источника видна и в характере изображения в обеих группах Дмитрия и Владимира: в той и другой группах они всюду предстают как единый обобщенный образ. Раздельно оба князя изображаются только во второй части произведения, когда Владимир находился в засадном полку. Храмы, городские стены, княжеские палаты совершенно по-разному изображаются в Архаической и Северной группах. Но все эти аксессуары встречаются в миниатюрах Архаической группы только там, где они есть и в миниатюрах Северной группы.

Весьма часто рисунки в обеих группах совпадают и композиционно. Так, например, очень близка композиционно 8-я миниатюра Архаической группы (молитва перед гробом Петра) соответствующей Северной группы (см. у С. К. Шамбинаго табл. XIII). То же самое можно сказать и о 14-й миниатюре (встреча войска Дмитрия Коломенским епископом; см. у С. К. Шамбинаго табл. XX), и о 20-й и 21-й миниатюрах («мнози волцы приидоша» и «слетешася орли и врани»; см. у С. К. Шамбинаго табл. XXXII и XXXIII), и о целом ряде других. Итак, можно безусловно говорить о едином источнике миниатюр в обеих группах. Но, как мы знаем, внутри самих групп имеются различия в миниатюрах по разным спискам этих групп, и возникает вопрос: каково взаимоотношение между вариантами миниатюр внутри Архаической группы с вариантами Северной группы? Наблюдения в этом плане подтверждают общность

²⁶ В списке $Ув$ из-за дефекта рукописи левая половина «разворота» отсутствует — вырван соответствующий лист.

происхождения миниатюр в обеих группах, но не их непосредственную связь друг с другом.

На 4-й миниатюре P_2 (5-я Б) свита князей без шапок, а князья в коронах. Во всех списках Северной группы, кроме списка Ув, свита без шапок, а князья в коронах (см. у С. К. Шамбинаго табл. VIII). В списке же Ув князья тоже изображены с непокрытыми головами, т. е. в данном случае миниатюра Архаической группы ближе не к списку Ув Северной группы, а к остальным спискам этой группы.

8-я миниатюра P_2 (9-я Б) ближе всего к списку Ув Северной группы и больше отличается от остальных списков этой группы. Близость эта обнаруживается и в положении фигур, и в изображении церкви, и, наконец, в такой существенной детали: в Ув, как и в списках P_2 и Б, изображены только Дмитрий и Владимир, в остальных списках Северной группы нарисована третья фигура — с князьями стоит какой-то юноша (см. у С. К. Шамбинаго табл. XIII).

9-я миниатюра P_2 (10-я Б), так же как и 8-я, ближе к списку Ув, чем к остальным спискам Северной группы (см. выше, стр. 246, ср. с табл. XIV у С. К. Шамбинаго).

Выше, в описании 10-й миниатюры P_2 (11-й Б), отмечалось композиционное отличие между P_2 и Б. Миниатюра Б композиционно полностью совпадает с соответствующей миниатюрой списка Ув (см. выше, стр. 246, ср. с табл. XVI у С. К. Шамбинаго).

11-я миниатюра P_2 (12-я Б) композиционно сходна с соответствующей миниатюрой в списках Северной группы. В Б изображено солнце, освещающее войско Дмитрия, как и во всех списках Северной группы, а в P_2 этой детали нет (см. у С. К. Шамбинаго табл. XVIII), т. е., как и в предыдущем случае, список Б ближе к Северной группе, чем список P_2 .

14-я миниатюра P_2 (15-я Б) композиционно весьма близка к соответствующей в списках Северной группы (см. у С. К. Шамбинаго табл. XX). В целом в Архаической группе большая близость с соответствующей миниатюрой списка Ув Северной группы: в обоих списках Архаической группы (P_2 и Б) и в списке Ув за епископом стоит свита, в списке же P_1 (в М и П этой миниатюры нет) — один человек. Вместе с тем, если принимать во внимание различия между P_2 и Б, миниатюра Б по позе князя и епископа ближе к миниатюре Ув, чем миниатюра P_2 .

Сравнение 18-й миниатюры списков P_2 и Б с соответствующей в Северной группе свидетельствует о следующем: композиционно миниатюра в Северной группе гораздо ближе к миниатюре в списке Б, чем P_2 (см. у С. К. Шамбинаго табл. XXIX, со. ее с описанием 18-й миниатюры в P_2 и Б). Но вместе с тем в списке P_2 , как и в Северной группе, над тронном князей изображен шатер (в Б его нет), а князья нарисованы не одни, а со свитой (в Б только два князя, в Ув с князьями есть еще один человек, а в P_1 , кроме князей, еще два человека).

22-я миниатюра P_2 (19-я Б) ближе в целом к соответствующей в Северной группе в списке Ув. Вместе с тем, как в ряде других отмеченных выше случаев, отличия Б от P_2 сближают Б с Северной группой более, чем список P_2 : в Б, как и в Северной группе, русские в шапках, а татары в шлемах и доспехах (см. у С. К. Шамбинаго табл. XXXIV, ср. с описанием 22-й миниатюры P_2 и 19-й Б).

23-я миниатюра P_2 (20-я Б) ближе к списку Ув Северной группы: и в Архаической группе, и в списке Ув с князьями есть еще люди, в списке P_1 (в М и П этой миниатюры нет) только двое — Дмитрий и Владимир (см. у С. К. Шамбинаго табл. XXXVII).

24-я миниатюра P_2 (21-я Б) в Б ближе некоторыми чертами к соответствующей миниатюре Северной группы, чем P_2 : в Б, как и в Северной группе, Дмитрий преклонил оба колена, его свита изображена стоящей (см. у С. К. Шамбинаго табл. XXXVIII, ср. с описанием 24-й миниатюры).

25-я миниатюра P_2 (22-я Б) в отличие от целого ряда выше рассмотренных ближе к Северной группе в P_2 , а не в Б: в P_2 , как и в Северной группе, Волынец изображен в двух положениях, конь Волынца стоит напротив коня великого князя (см. у С. К. Шамбинаго табл. XLII, ср. с описанием 25-й миниатюры).

26-я и 27-я миниатюры P_2 (23—24-я Б) некоторыми деталями в Б ближе к особенностям Северной группы: в Б, как и в Северной группе, шлем Дмитрия с словцем, в правой руке у него копьё.

28-я миниатюра P_2 (25-я Б) в противоположность предыдущей некоторыми чертами в P_2 ближе к соответствующей миниатюре в списках Северной группы, чем в Б: в P_2 , как и в Северной группе, Пересвет с копьём, а татарин с ножом (см. у С. К. Шамбинаго табл. XLIX, ср. с описанием 28-й миниатюры).

30-я миниатюра в P_2 (26-я Б) сближается больше, чем Б, с Северной группой тем, что в P_2 дубрава изображена на заднем плане; там также дубрава на заднем плане, а в списке Северной группы Ув изображены и горки (см. у С. К. Шамбинаго табл. LII, ср. с описанием 30-й миниатюры).

31-я миниатюра P_2 (27-я Б) изображением оружия больше сближается в Б со списком Ув Северной группы: в Ув, как и в Б, есть и копьё, и сабли (см. описание 31-й миниатюры).

Итак, мы видим, что миниатюры Архаической группы в целом более близки к миниатюрам списка Ув Северной группы. Но возводить Архаическую группу к списку Ув мы не можем, так как в некоторых случаях отличия Архаической группы от списка Ув близки к особенностям других списков Северной группы. Т. е. очевидно, что через какие-то утерянные промежуточные списки все эти лицевые списки «Сказания» восходят к одному архетипу. При этом большая близость Архаической группы к списку Ув Северной группы, миниатюры которого в этой группе отличаются более ранними чертами, свидетельствует о том, что Архаическая группа и список Ув Северной группы наиболее близки к тому виду миниатюр «Сказания», которые имелись в архетипе. Вместе с тем большая близость миниатюр Б к миниатюрам Северной группы вообще и к списку Ув этой группы в частности дает основание считать, что в Архаической группе список Б менее отклонился от общего источника P_2 и Б, чем список P_2 .

Как уже отмечалось выше, в самом начале статьи, есть еще два лицевых списка «Сказания». Один — это лицевой текст «Сказания» во втором томе «Древнего летописца» (БАН, 31.7.30). Здесь миниатюры иллюстрируют Киприановскую редакцию памятника.²⁷ Эти миниатюры (всего их 192, №№ 31—222) безусловно представляют интерес как составная часть всей массы миниатюр Лицевого летописного свода и как часть этого целого они и должны исследоваться.²⁸ Для нас же в настоящий момент миниатюры Древнего летописца могут представлять интерес только в том отношении, что они никак не связаны с миниатюрами, рассмотренными

²⁷ Текст по этому списку использован в разночтениях к XI тому ПСРЛ.

²⁸ См.: О. И. Подобедова. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1965, стр. 102—314 (Лицевой летописный свод второй половины XVI столетия).

выше: как те, так и другие — независимые друг от друга произведения. Разумеется, сравнительный анализ миниатюр к «Сказанию» из Древнего летописца и миниатюр, рассмотренных выше, может дать ценный материал для суждений о том, как понимали, как трактовали текст древнерусского литературного произведения различные миниатюристы. Но это уже тема специального исследования, которое наиболее плодотворным может стать лишь тогда, когда будут опубликованы все миниатюры Лондонского лицевого списка «Сказания».

Второй лицевой список «Сказания», названный в начале статьи и еще не рассмотренный, — отдельная рукопись «Сказания» конца XVII—начала XVIII в. (ГИМ, собр. Уварова № 999^а). В этой рукописи 27 миниатюр. В небольшой по формату рукописи (в 4°) миниатюры занимают только части листов. Каждый рисунок обведен рамкой, в рамке по черному полю орнамент из трав. Рисунки схематичны; в тех случаях, когда на миниатюре изображаются какие-нибудь архитектурные детали, то изображения эти даются поверх ограничивающей рисунок рамки. На первый взгляд миниатюры данной рукописи никак не связаны с рассмотренными выше. Однако, кроме одной миниатюры, все остальные по сюжету и композиционно находят себе соответствия в миниатюрах Архаической группы типа списков Р₂ и Б этой группы. Миниатюра списка Уварова № 999^а, не имеющая себе параллели в остальных известных лицевых списках «Сказания», иллюстрирует фразу в конце текста произведения, зафиксированную только в этом списке «Сказания». Фраза эта явно позднего происхождения, в ней говорится, что «гости же сурожене и вси людие черные встретиша великого князя Дмитрия Ивановича московского и всеа Руси в Коломенском со златыми, и с собольми и с хлебом».²⁹ На миниатюре изображена толпа, в которой люди, стоящие впереди, держат в руках всевозможные дары, в том числе шкурки зверей. Эта миниатюра списка Уварова № 999^а свидетельствует о позднем характере миниатюр в этом списке «Сказания». Миниатюры этого списка, совпадающие по содержанию с миниатюрами Архаической группы, ничего нового для ретроспективного рассмотрения интересующего нас цикла лицевых рукописей «Сказания» не дают, поэтому ограничимся лишь сказанным о списке Уварова № 999^а.

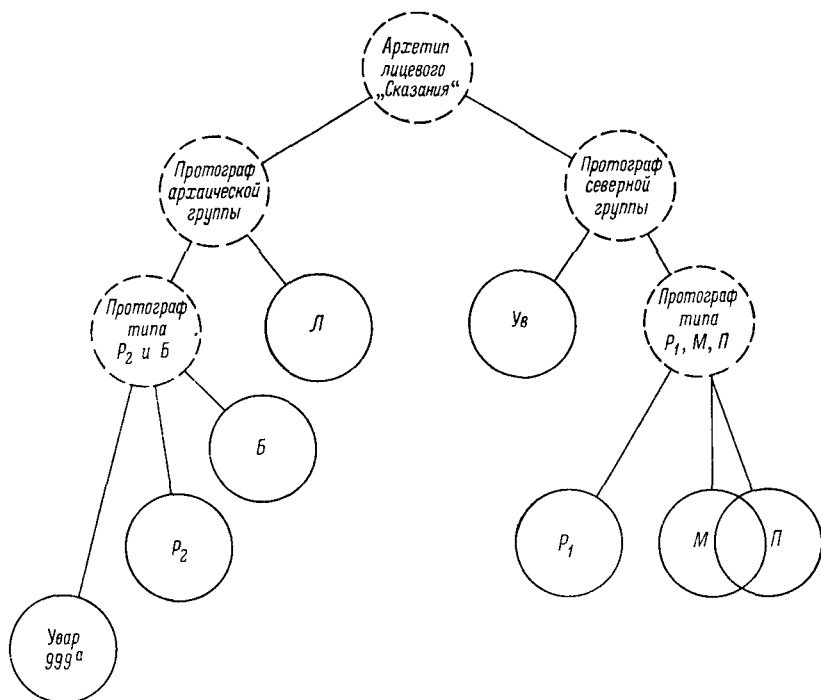
Сопоставление известных в настоящее время лицевых списков «Сказания о Мамаевом побоище» свидетельствует, как можно было убедиться выше, о том, что все они, кроме Древнего летописца, представляют собой различные по стилям, по времени, по профессиональному мастерству переработки одного общего источника — первоначального лицевого списка «Сказания о Мамаевом побоище». Взаимоотношение лицевых списков «Сказания» можно изобразить в виде такой стеммы (см. стр. 261).

Существование двух групп (или даже трех, если считать особой группой список Уваровский № 999^а) лицевых списков «Сказания о Мамаевом побоище» и нескольких вариантов внутри этих групп свидетельствует о том, что лицевые списки «Сказания» имели длительную историю, что до нас дошла лишь незначительная часть лицевых списков «Сказания», при этом позднего времени. Все эти выводы представляют интерес сами по себе, как какие-то факты истории «Сказания о Мамаевом побоище», подтверждающие сделанные на основе иных данных заключения об исключительной популярности у средневекового читателя «Сказания»,

²⁹ См.: Повести о Куликовской битве, стр. 461—462.

о длительной и богатой истории рукописной традиции «Сказания». Однако наблюдения над взаимоотношением миниатюр в различных списках «Сказания» с текстом произведения дают материал для некоторых общих заключений по лицевым спискам древнерусских литературных текстов, помогают уточнить некоторые вопросы текстологии «Сказания о Мамаевом побоище».

Прежде всего лицевые списки «Сказания о Мамаевом побоище» убеждают в том, что в лицевых рукописях текст произведения переписыва-

вался с особой тщательностью, точностью: разночтения как между списками Архаической группы, так и между списками Северной группы минимальны. Писцы лицевых списков должны были думать не только о том, чтобы точно переписать текст своего оригинала, но и о том, чтобы распределить в своем списке текст так же, как и в оригинале: как мы могли убедиться выше, текстовой конвой миниатюр в различных списках совпадает. Видимо, это обстоятельство заставляло переписчика лицевой рукописи особенно строго относиться к переписываемому тексту. Весьма показателен в этом отношении тот факт, что в поздних лицевых списках текст произведения сохранился в лучшем чтении, чем этот же текст в более раннем, но не лицевом списке. В этом убеждают списки варианта У Основной редакции P₂, Б и Ундольского (см. выше, стр. 243).

В Архаической группе текст «Сказания» — вариант У Основной редакции. В Северной группе текст примыкает к этому варианту «Сказания», но отличается от него некоторыми особенностями: здесь окончание — краткое сообщение о возвращении великого князя с Куликова поля; кроме того, в этих списках есть плач русских жен, заимствованный из «Задонщины». Список Уваровский № 999^а рядом особенностей близок к варианту У Основной редакции, но в этом списке, как и в списках Се-

верной группы, нет в отличие от варианта У пространный рассказ об обратном пути Дмитрия в Москву и вместе с тем есть ряд своих индивидуальных чтений.³⁰ Итак, мы видим, что различные редакции миниатюр связаны с какими-то отличиями и в тексте. Это свидетельствует о тесной связи изменений в миниатюрах с изменениями и текста произведения.

И содержание и композиция миниатюр, как мы могли убедиться, менее всего подвержены изменениям в различных редакциях и вариантах миниатюр, это как бы постоянная величина. Меняется стиль, характер изображения различных деталей, претерпевают и качественные и количественные изменения аксессуаров миниатюр. Но иногда, и не только в различных редакциях, но и в разных вариантах одной редакции, вносятся изменения и в композицию рисунка. В большинстве случаев, по-видимому, это зависит от каких-то эстетических соображений миниатюриста, но в некоторых случаях подобного рода изменения находят объяснения в тексте произведения. Так, например, на 2-й миниатюре Архаической группы Дмитрий и в Р₂ и в Б изображен стоящим на одном колене, в Северной же группе, во всех списках этой группы, Дмитрий почти лежит ниц перед иконой. Это различие объясняется различным чтением иллюстрируемого отрывка. В Архаической группе соответствующее место читается так: «(Дмитрий) велми опечалися о нечестивых нахождении, и став пред иконою господня образа, еже у возглавия его стояще, и припаде на колену свою, нача молитися» (список Р₂), в Северной же группе немного иначе: «(Дмитрий) востав, паде пред иконою, иже стояще в возглавии его, моля сице» (список Ув).

Оставаясь близким к своему источнику, миниатюрист иногда варьирует изображение, иллюстрируя какую-то другую фразу из одного и того же отрывка текста в целом. И в Архаической группе и в Северной две миниатюры иллюстрируют рассказ о посещении Дмитрием Сергия в Троицком монастыре. В Архаической группе на 2-й миниатюре Сергий кропит Дмитрия святой водой, а в Северной группе осеняет его крестом. Соответствующее место в тексте звучит так: «Преподобны же окропи его (Дмитрия, — Л. Д.) священною водою и все христоролюбивое войство его, и даст великому князю крест Христов — знамение на челе» (чтение списка Ув, в Р₂ и Б читается так же), т. е. мы видим, что в одном случае иллюстрируется первая часть приведенного отрывка («окропи его священною водою»), а в другом — вторая («даст великому князю крест Христов»).

Оба отмеченных случая говорят о том, что миниатюрист-копиист не слепо переводил в свою рукопись миниатюры своего источника, а внимательно вчитывался в текст иллюстрируемого произведения.

Выше уже говорилось, что все лицевые списки «Сказания» примыкают к варианту У Основной редакции памятника. В свое время, отмечая особенности списков «Сказания» Уваровского, № 1435, и ГБЛ, Муз. собр., № 3123, т. е. списков Ув и М, я относил эти списки с некоторыми другими к своеобразной промежуточной группе списков «Сказания» между вариантами О и У Основной редакции памятника.³¹ Но, может быть, эти тексты «Сказания» представляют собой более ранний текст памятника, чем в вариантах О и У? Вариант У Основной редакции «Сказания» отличается окончанием явно позднего характера — подробным рассказом о возвращении Дмитрия в Москву с Куликова поля.³²

³⁰ См.: Повести о Куликовской битве, стр. 461--462.

³¹ Там же, стр. 450—451

³² См.: там же, стр. 421.

С. К. Шамбинаго считал список Ув дефектным, не сохранившим окончания и возводил текст в Ув к варианту У Основной редакции.³³ Действительно, Ув очень кратко, одной фразой, сообщает о возвращении Дмитрия в Москву: «... а князь великий заповеда войску своему и воеводам — кто идет по Рязанской земле, то ни единого бы власу прикоснулся. И прииде князь великий ко своему граду Москъве». Но, может быть, именно из этой одной фразы или немного более распространенного ее варианта позже и был создан распространенный рассказ о возвращении Дмитрия в Москву, который мы читаем сейчас в варианте У Основной редакции? Обращает на себя внимание тот факт, что в списках Р₂ и Б миниатюр, которые иллюстрировали бы подробный рассказ об обратном пути Дмитрия, нет. Во всяком случае бесспорно установленная генетическая связь миниатюр в списках «Сказания» Р₂, Б, Ув, Р₁, М, П и Уваровском № 999^a заставляет пересмотреть вопрос о взаимоотношении текстов во всех этих списках «Сказания».

В неоднократно упоминавшейся работе Е. Ф. Хилл автор писала: «Интересующий нас список (Лондонский список «Сказания», — Л. Д.) будет издан в Англии в 1959 г. Он будет напечатан вместе с обстоятельным вступлением и комментариями. Все листы списка будут воспроизведены фототипически, причем некоторые в красках».³⁴ Приходится весьма сожалеть, что до сих пор это издание не осуществлено. В начале статьи мы отмечали высокую оценку, данную искусствоведами миниатюрам списка Л. Еще большую ценность они представляют тем, что несут на себе весьма архаические черты. Уже эти обстоятельства говорят о желательности опубликования миниатюр Лондонского списка. Но, помимо этого, только полное представление о всех миниатюрах списка Л поможет до конца разобраться в истории лицевых рукописей «Сказания о Мамаевом побоище». Сравнивая эти миниатюры с миниатюрами остальных лицевых списков «Сказания», искусствоведы смогут проследить историю единого цикла миниатюр на протяжении длительного времени их существования.

---

³³ С. К. Шамбинаго, стр. 12.

³⁴ Е. Ф. Хилл, стр. 8.